

Г. А. ШЕНГЕЛИ

Киммерийские Афины

<...> Коктебель — республика. Со своими нравами, обычаями и костюмами, с полной свободой, покоящейся на «естественном праве», со своими патрициями — художниками и плебеями — «нормальными дачниками».

И признанный архонт этой республики — Максимилиан Волошин.

<...>

Начинается беседа. Внимательно выслушивая партнера, принимая все его положения, Волошин незначительными поправками доводит его до согласия с собой. И тогда — изумительный гейзер знаний, своеобразнейшие сопоставления и сближения; вырастает стройная система воззрений на мир, на человека, на искусство. Потом становится парадоксальной. И вы теряете отчетливое представление: серьезно ли говорят с вами? Из-под непроницаемой брони логики сквозит все время легкая усмешка. Защищая магизм, оккультные манипуляции, Волошин обращается к потусторонним силам, когда-то пытавшимся так или иначе вторгнуться в его жизнь, с увещанием:

— Пожалуйста, без чудес. В обществе надо себя вести прилично.

И та же в глазах колышется усмешка.

Он читает стихи. Читает превосходно. И чужие стихи читает лучше своих. И пламенно восторгается ими. Чтение перемежается рассказами о поэтах. Серьезными и шутивными.

— Присылает мне И. Эренбург книгу стихов. Книга неправильно сброшюрована: обложка вверх ногами. Я сначала вознегодовал, сочтя это намеренным. Потом понял. Приходит ко мне сестра поэта, желая поговорить о присланной книге. Я беру книгу и читаю. Она потом пишет брату: «Какой оригинал этот Волошин! Представь: держал твою книгу вверх ногами и так читал. Даже неприятно».

Вы прощаетесь.

— Приходите вечером чай пить...

Надо пойти. Там вас угостят... мистификацией.

II

Вечер. <...>

Навстречу вам десяток рук подымается к потолку. Но успокойтесь: вас вовсе не приняли за бандита: это — коктебельское приветствие. И, конечно, это пластический жест имеет преимущество над угловатым shakehand'ом*.

Вас знакомят. Но к вашему удивлению, среди присутствующих не оказывается ожидаемых лиц. Длиннобородый молчаливый господин оказывается Папюсом¹, юноша с высоким лбом и черной гривой — секретарем президента Андоррской республики², причем вас тихонько предупреждают, что он страдает kleptomанией; сухой седой человек в полувоенном костюме аттестуется бравым агентом, но на ухо вам сообщают, что это — сыщик из Одессы, — и вы стараетесь осторожно выражаться, и т. д.

Скоро вы замечаете, что, несмотря на великолепные папиросы, предлагаемые Пра, общее внимание и радушие, вы попали в очень напряженную атмосферу, две дамы явно ревнуют друг друга к молчаливому художнику, обмениваются колкостями, которые все обостряются. Неладно и с мужчинами. Они дуются один на другого, уединяются. Художник вызывает одну из соперниц в смежную комнату. Оставшаяся закатывает истерику. Ее уносят в мастерскую. Вы порываетесь уйти, но — помилуйте! как можно! посидите! Вы остаетесь, и события разворачиваются быстро. Кто-то вбегает и кричит, что дама, унесенная в мастерскую, отправилась топиться. Подымается невообразимая суматоха: бегают, кричат, хлопают дверьми, отыскивают спасательный круг, дождем сыплются табуретки и подушки. Через несколько минут утопленницу вносят. Она без чувств, волосы распущены, но купальный костюм — сух. Тут вы соображаете, что перед вами разворачивается своеобразная комедия dell'arte**.

Волошин великолепен. В купальном костюме, с гигантским спасательным кругом через плечо, с намоченными волосами, он походит на бретонского рыбака.

Утопленницу откачивают. Она, придя в себя и слабым голосом пролив свою соперницу, вдруг вскакивает с ложа и пускается с нею в пляс. Через минуту пляшут все — какой-то безумный вальс.

Фу! Игра кончена, маски сняты. Секретарь Андоррского президента оказывается видным московским поэтом, одесский сыщик — знаменитым пейзажистом³, утопленница — актрисой Камерного театра и проч.

* Рукопожатие (англ.).

** Комедия масок (итал.).

Теперь вы крещены коктебельским крещением, вы — свой.

Завязывается общая оживленная беседа, исполненная остроумных шуток и реплик. Все весело, остро и незлобиво. И всеми мудро правит Пра, как поется в торжественном гимне Коктебельской республики. Седая, со стриженными волосами, Елена Оттобальдовна — Пра — то бранит поэта, забравшегося с ногами на диван, или поэтессу, севшую в ее кресло, то рассказывает о Париже, о Вячеславе Иванове, о детских годах Максимилиана Волошина. Ее власть — непреоборима. Жить в доме Волошина и не попасть в руки шутки или разноса Пра — почти невозможно. Однако автор этих строк очутился в этом исключительном положении, хотя и галопировал по крыше в погоне за унесенной ветром рукописью.

Но как ошибется тот, кто на основании этого рассказа заключит о бездеятельности жизни подданных Пра. В Коктебеле умеют напряженно работать и работают.

Максимилиан Волошин, очень увлекаясь живописью, ежедневно немало часов посвящает своим акварелям, пишучи их по пяти, по шести в день. Живопись его, которую о[тец] П. Флоренский метко назвал мета-геологией, вся посвящена раскрытию сущности коктебельской природы и в четкой графике своей, в бархатном разливе красок воспроизводит напряженность карадагских складок, зной и сухость степных балок, ультрамариновые тени ущелий, воспаленные полдни и веера закатных облаков. Значительное количество волошинских акварелей появится в Харькове на выставке Художественного Цеха.

Не менее напряженно протекает работа Волошина и в деле создания художественного слова.

III

<...>

Волошин, по собственному признанию, не «светлый лирик, что нижеет широкие и щедрые слова на вихри струнные, качающие душу», — он — «кузнец упорных слов», он — «вкус, запах, цвет и меру выплавляет из скрытой сущности». Он, действительно, «чеканщик монет», «гранильщик камней»⁴. Его черновые тетради позволяют ощупать всю его работу над словом. Одно стихотворение иногда пишется *несколько лет*. Так, в тетради, например, 1907 года можно найти отдельные образы, созвучия, ритмические отрывки, выписки эпитетов, разно тембрирующих основную ноту. То же самое оказывается перенесенным в тетрадь 1909 года с прибавлением нового и т. д. Постепенно накапливается богатая палитра красок для основного образа стихотворения, — и где-нибудь в тетради 1911 или 12-го года

мы находим стихотворение осуществленным, что не защищает его от дальнейшей обработки.

Не потому ли так равны книги Волошина, так выдержан лирический уровень его стихов? Какой урок стихотворцам, эшелонами отправляющих стихи в типографию.

<...> ...Формальное совершенство стихов Волошина — непрекаемо. Какая же душа оживляет эти великолепные формы?

Недавно вышедшая книга избранных стихов Волошина «Иверни» (от старого русского слова «ивернь» — обломок) отвечает на это. Объемля творчество Волошина более, чем за 15 лет, разделенная на восемь четких отделов, она выявляет весь рост и все завершения волошинского миро-созерцания и рисует нам его *поэтом космической пышности*.

